

П. М. Аркадьев (Москва)

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ЛИТОВСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

This paper discusses those features of the Lithuanian verbal system which happen to find no direct counterparts either in all the other languages of the East Baltic region, including the close genetic relatives of Lithuanian, or at least outside the Baltic branch of the Indo-European language family. These include features of morphology (i.e. productive infixation in the Present tense and lack of prefix-stacking), verbal categories (inflectional Past Habitual, Avertive, Continuative, Restrictive), and broader patterns of verbal morphosyntax (use of impersonal passive for the marking of evidentiality, non-Nominative case-marking of subjects and objects in non-finite clauses). With respect to some of these features it is shown that Lithuanian has generalized and extended patterns inherited from the proto-language to a degree unknown to its neighbours, while other features are purely local innovations. Speculative preliminary remarks on possible explanations of the lack of areal spread of the unique features of Lithuanian are also included.

Вступительные замечания

Ареально-типологическое и сравнительно-историческое изучение балтийских языков и диалектов позволило выявить те черты их устройства, которые возникли или получили особое распространение в результате интенсивных контактов балтов с носителями других языков, прежде всего славянских и прибалтийско-финских¹ (см., напри-

¹ Работа выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» и гранта РГНФ № 11-04-00282а. Данная статья основана на докладе, прочитанном на XLIII конгрессе Европейского лингвистического общества в Вильнюсе в сентябре 2010 г. Я благодарю Ю. Пакериса, Н. Нау и Б. Вимера за ценные замечания к докладу и первоначальному варианту текста, а также моих литовских консультантов за предоставленные данные. Отдельное спасибо А. Тамм за помощь с материалом эстонского языка.

мер, [Zeps, 1962; Непокупный, 1964; Судник, 1975; Судник (ред.), 1980; Амбразас, 1985; Прохорова, 1987; Thomason, Kaufman, 1988: 238–244; Stolz, 1991; Nau, 1996; Беднарчук, 1997; Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.), 2001; Wiemer, 2002, 2006a; Levin, 2003; Вимер, 2007, наст. сб.; Сержант, 2007; Даугавет, 2009, наст. сб.; Завьялова, 2007, наст. сб.]). Задача данной статьи состоит в том, чтобы, оставаясь в рамках ареально-типологической перспективы, обратить внимание на те черты литовской глагольной системы, которые являются уникальными для Восточной Балтии. Такая постановка задачи представляется обоснованной не только сама по себе (выявление черт, выделяющих данный язык на фоне других, – необходимая составная часть его типологически-ориентированного описания), но и с точки зрения балтийской (и общей) ареальной лингвистики. Для последней вопрос о том, какие черты языковой системы (и почему) демонстрируют «иммунитет» к заимствованию, является не менее важным и насущным, чем значительно лучше разработанный вопрос о факторах, способствующих взаимопроникновению языковых систем в контактных условиях (см. также [Русаков, наст. сб.]).

В данной работе я, разумеется, не претендую на сколько-нибудь исчерпывающий перечень тех черт литовской языковой системы, которые не находят параллелей в географически и генетически близких ему языках. Ограничиваясь системой глагола (а именно, рядом особенностей морфологии, грамматических категорий и морфосинтаксиса), я остановлюсь лишь на некоторых признаках, каждый из которых, вероятно, может показаться незначительным (такой взгляд отчасти объясняет то, что часть рассматриваемых ниже явлений практически не была изучена ранее), а взятые все вместе они вряд ли образуют цельную систему. Тем не менее я полагаю, что предлагаемая ниже «кунсткамера» «экзотических животных» литовского глагола (оговорюсь, что рассматриваю также некоторые явления, находящие параллели в ближайших родственниках литовского – латышском и латгальском) не только имеет право на существование, но и способна поставить перед исследователями ряд важных вопросов.

Главный из этих вопросов состоит в следующем: каким образом в условиях интенсивных контактов с идиомами с весьма сходной структурой в языке могут «аккумулироваться» явления, не находящие параллелей в его «контрагентах» по контактной ситуации (ср. [Thomason, 2001: 63–65])? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в

том, что по каким-либо причинам язык может «консервировать» архаизмы, сохраняя тем самым общее наследие праязыка дольше, чем другие языки той же генетической группы. Как мы увидим ниже, данный ответ к литовской ситуации применим лишь в весьма ограниченной степени, поскольку значительная часть рассматриваемых в этой статье явлений явным образом инновационны, даже в тех случаях, когда в их основе лежат структуры и механизмы, унаследованные от индоевропейского состояния.

1. Морфология

Уникальных черт, относящихся собственно к морфологии, т. е. к устройству парадигматики и формального выражения грамматических значений, в литовской глагольной системе не так много, однако те, что имеются, весьма занимательны. Ниже я остановлюсь на трёх таких признаках. Сразу укажу, что лишь один из них характеризует исключительно литовский язык, а два других наблюдаются и в других восточнобалтийских языках.

1.1. Назальный инфикс

Наличие в литовском языке инфиксации как довольно продуктивного и частотного морфологического средства выделяет его не только среди его ближайших соседей, но и, по-видимому, среди всех живых индоевропейских языков. Напомню, что инфикс /n/ ([m] перед губными и [ŋ] перед заднеязычными согласными) появляется в основе настоящего времени обширного и семантически гомогенного класса глаголов, обозначающих не контролируемые или слабо контролируемые субъектом процессы и изменения состояния (см. подробнее [Stang, 1942: 132–133; Arumaa, 1957; Темчин, 1986; Аркадьев, 2006а, 2006б, 2010]), ср. *riko* ‘ошибся’ ~ *ri-n-ka* ‘ошибается’, *gubo* ‘гнулся’ ~ *gu-m-ba* ‘гнётся’, *krito* ‘падал’ ~ *kri-n-ta* ‘падает’. Такого рода глагольных основ в литовском языке имеется несколько сотен, и вполне очевидно, что такое широкое распространение инфиксации является в нём инновацией (подробнее о сравнительно-исторической интерпретации балтийской инфиксации в контексте других индоевропейских языков см. [Schmalstieg, 2000: 150–156; Gorbachov, 2007]).

В свете принятой в данной статье перспективы литовский назальный инфикс интересен по следующим причинам.

Во-первых, данная модель образования основы презенса в восточнобалтийских языках является ярким примером инновации, состоящей в генерализации архаической, унаследованной от праязыка черты, и сообщения ей «второй молодости» в рамках новой системы. Действительно, материально литовский назальный инфикс находит многочисленные параллели в древних индоевропейских языках (ср. латинское *vici* ‘победил’ ~ *vi-n-co* ‘побеждаю’, древнегреч. *λυ-v-θάβομαι* ‘расспрашиваю’ ~ *λεῖβομαι* ‘расспрошу’, санскритское $\sqrt{muc-}$ ‘освобождать’ ~ *tu-ñ-cati* ‘освобождаю’), однако именно функциональная нагрузка, мотивированность семантическим классом глагола и продуктивность этого морфологического средства в литовском делают его уникальным.

Во-вторых, несмотря на то что изначально инфикация была восточнобалтийским явлением, общим для предков нынешних литовских и латышских диалектов, в латышском она, не став столь продуктивной, как в литовском, была устранена в пользу более распространённого в языковой системе морфонологического средства – преобразования корневого вокализма [Schmalstieg, 2000: 156], ср. лтш. *tapt* ‘стать’ ~ *tuopu* ‘становлюсь’ (~ лит. *ta-m-pu* ‘тж.’), ‘падать’ ~ *krītu*, ‘падаю’ (~ лит. *kri-n-ta*). Данный процесс частично имел место и в литовском языке, где инфикс был устранён перед всеми несмычными согласными с компенсаторным удлинением предшествующей гласной фонемы, ср. *biro* ‘сыпался’ ~ *by[i:]ra* ‘сыплется’ (< **bi-n-ra*), *dužo* ‘разбился’ ~ *dūžta* ‘разбивается’ (< **du-n-ž-st-a*).

Тем самым, пусть и по разным причинам, литовский презентный инфикс является яркой чертой, выделяющей морфологическое устройство литовского глагола как среди собственно балтийских языков, так и в более широком контексте.

1.2. «Мобильный» показатель рефлексива

Одна из хорошо известных морфологических особенностей литовского глагола – нетривиальное поведение рефлексивного показателя *-s(i)*, который способен занимать две позиции в словоформе, см. [Stolz, 1989; Nevis, Joseph, 1993]. Если глагол не содержит префикса, рефлексивный показатель выступает в качестве «постфикса», т. е. суффикса, следующего последним в словоформе, после лично-числовых

окончаний, выступающих перед ним в особой, «длинной», форме, ср. *bučīuoj-u* ‘целую’, *bučīuoj-i* ‘целуешь’, *bučīuoj-a-me* ‘целуем’ vs. *bučīuoj-uo-si* ‘целуюсь’, *bučīuoj-ie-si* ‘целуешься’, *bučīuoj-a-mē-s* ‘целуемся’. Форма самого показателя рефлексива (наличие или отсутствие последней гласной *-i*) также обусловлена морфологически. Появление в словоформе префикса вызывает «перескок» рефлексивного показателя в позицию непосредственно перед корнем, ср. *pa-bučīavome* ‘мы поцеловали’ vs. *pa-si-bučīavome* ‘мы поцеловались’, *ne-si-bučīavome* ‘мы не целовались’.

Аналогичным образом ведёт себя рефлексивный показатель *-s(a)-* в латгальском языке, см. [Leikuma, 2003: 38; Nau, 2011: 43], в отличие от литературного латышского, где рефлексив всегда занимает постфиксальную позицию, ср. *mozguotī-s* ‘мыться’ vs. *nū-sa-mozguot* ‘вымыться’.

Данная ситуация является наследием более древнего состояния, когда между префиксом и основой, помимо рефлексивного показателя, могли вклиниваться различные энклитические элементы, ср. старолитовское *tatay in-ti-sakau* ‘я говорю тебе это’ [Stolz, 1989: 19], где между превербом *in-* (совр. *į-*) и основой вставлено отсутствующее в современной норме энклитическое местоимение 2-го лица *tī* ‘тебе’.

Позиционная нестабильность грамматических элементов сама по себе не является чем-то экзотическим, в том числе и для европейских языков, ср. вариативность позиции местоименных клитик в южнославянских и романских языках (библиография по этой теме слишком обширна, чтобы её приводить; см. в частности [Циммерлинг, наст. сб.]). Тем не менее, во всех этих случаях мобильные морфологические элементы (даже если отвлечься от неизменно градуального противопоставления клитик и аффиксов) являются, употребляя акцентологическую терминологию [Зализняк, 1985: 17], «маргинально-подвижными», занимая либо конечную, либо начальную позиции в глагольном комплексе. Литовско-латгальская ситуация, когда показатель с абсолютно конца словоформы перемещается в позицию ближайшего к основе префикса, является беспрецедентной.²

² Единственная параллель — поведение местоименных клитик в европейском португальском, способных вклиниваться между основой и флексиями будущего времени, ср. *levá-lo-a* ‘приведёт тебя’ vs. *não o levará* ‘не приведёт тебя’ [Hutchinson, Lloyd, 2003: 47].

1.3. Парадоксы глагольной префиксации

Характерной изоглоссой, общей для индоевропейских и неиндоевропейских языков Восточной Европы (за исключением прибалтийско-финских), является продуктивная глагольная префиксация, использующаяся как для спецификации пространственных или иных компонентов глагольной семантики, так и для выражения аспектуальных значений (см. [Вреу, 1992; Плуноян, 2002; Аркадьев, 2007; Tomelleri, 2008]). Не исключение здесь и балтийские языки, система глагольных префиксов в которых, пожалуй, ближе всего к славянской (см., например, [Эндзелин, 1971/1906; Wiemer, 2002]). Более того, ряд черт, общих у балтийских и славянских систем глагольной префиксации, могут, по видимому, быть объяснены лишь контактным влиянием. Это и разительное сходство определённых моделей полисемии префиксов³ (о значениях литовских приставок см. [Эндзелин, 1971/1906] и в особенности [Paulauskas, 1958]; в последней работе, однако, славянский материал не привлекается), и заимствование отдельных приставок из славянских языков в балтийские (см. [Paulauskas, 1958: 320ff; Wiemer, 2009; Завьялова, наст. сб.]).

В свете этого тем более удивителен тот факт, что балтийские языки отличаются от славянских по столь яркому и нетривиальному параметру, как допустимость множественной префиксации. Если все славянские языки в той или иной степени разрешают сочетание в одной глагольной форме нескольких префиксов [Ройзензон, 1974], ср. рус. *по-над-писывать*, *пере-за-писать* или чеш. *po-od-stoupit* ‘немного отступить’ [Gehrke, 2008: 148] (библиография по славянской множественной префиксации обширна; см. обзор в [Татевосов, 2009]), то в балтийских языках итерация превербов в качестве сколько-нибудь продуктивного механизма отсутствует (ср. [Эндзелин, 1971/1906: 541; Paulauskas, 1958: 418]).

Одно из возможных объяснений этой лакуны в системе балтийского глагола могло бы состоять в том, что в ней, в отличие от славянских языков, отсутствуют так называемые «внешние» употребления префиксов (о противопоставлении «внешних» и «внутренних» префиксов в славянских языках см. [Татевосов, 2009]), т. е., огрубляя, такие, значение которых композиционально и предсказуемо, в отличие

³ Как ни странно, мне неизвестны работы, где бы этот вопрос специально исследовался.

от «внутренних» префиксов, прихотливо и подчас значительно воздействующих на семантику глагола. К типичным «внешним» префиксам в славянских языках относятся, например, делимитативный префикс *no-* (о типологии славянских делимитативов см. [Dickey, Hutcheson, 2003]). Хотя данный вопрос требует более детальной разработки, на первый взгляд представляется, что «внешние» префиксы в балтийских языках всё же имеются, в частности, литовский продуктивный делимитативный префикс *pa-*, см. [Галнайтите, 1959: 60–63]. Этот префикс, будучи весьма близок по значению соответствующему славянскому, не способен, однако, присоединяться к глаголам, уже содержащим преверб, даже если они модифицированы итеративным суффиксом *-inė*, отчасти сходным с русскими показателями «вторичной имперфективации» (см. [Галнайтите, 1966; Завьялова, наст. сб.]). Так, в литовском языке есть формальные аналоги русским глаголам *пере-писать* (*per-rašyti*) и *пере-пис-ывать* (*per-raš-inėti*), однако нет аналога русскому *по-пере-пис-ывать* (**pa-per-raš-inėti*).

Немногочисленные исключения из указанной тенденции в литовском языке всё же наблюдаются. В первую очередь это случаи, когда второй префикс присоединяется к глаголу, в котором первый префикс в высокой степени лексикализован (см. [Paulauskas, 1959: 418–419]), напр., *iš-par-duoti* ‘распродать’ (< *par-duoti* ‘продать’ < *duoti* ‘дать’) или *pri-pa-žinti* ‘признать’ (< *pa-žinti* ‘узнать’, где основа *žinti* вообще не употребляется без префикса).

Более интересно то, что в восточнолитовских диалектах, испытывавших особенно сильное белорусское влияние, наблюдается употребление префикса *pa-* в значении полного охвата, ср. *vaikų nėra, pa-nu-mirė* ‘детей нет, (все) поумирали (букв. «поумерли»)» [Paulauskas, 1958: 419], равно как и окказиональное использование в функции «внешних» префиксов морфем, прямо заимствованных из белорусского языка (подробнее см. [Wiemer, 2009]). Стоит отметить, что установить, являются ли «внешние» употребления префикса *pa-* калькой по белорусскому образцу или заимствованием, строго говоря, невозможно ввиду тождества фонетических оболочек морфем.

Возвращаясь к литературным балтийским языкам, отмечу, что запрет на итерацию превербов в них парадоксальным образом сочетается с наличием в системе глагола нескольких префиксальных позиций. Наиболее отчётливо это проявляется в литовском языке, где максимальное теоретически допустимое число префиксов в глагольной сло-

воформе достигает пяти. Ближайшая к корню позиция отведена рефлексивному показателю *si-*, который, как уже было сказано в § 1.2, может появиться в ней лишь при условии, что заполнена также одна из остальных префиксальных позиций. Вторую позицию занимают словообразовательные превербы, воздействующие на лексическое значение и аспектуальный класс глагола. Остальные три позиции заполняют словоизменятельные префиксы (иногда ошибочно именуемые частицами; см. о них [Schleicher, 1856: 305–306; Paulauskas, 1958: 321–323; Otrębski, 1965: 368–369; Mathiassen, 1996a: 171–172]): «континуативный» префикс *be-* (о его свойствах см. [Arkadiev, 2011] и ниже § 2.2, 2.3), отрицательный префикс *ne-* и префикс *te-*, настолько полисемичный, что для него невозможно подобрать никакого удовлетворительного ярлыка (см. о некоторых его употреблениях [Arkadiev, 2010] и ниже § 2.4). В разных своих значениях эти префиксы демонстрируют неодинаковые ограничения на сочетаемость друг с другом и с глагольными лексемами, однако неизменно следуют в порядке *te-ne-be-*. Примеры, где в глагольной словоформе выступали бы все три словоизменятельных префикса, исключительно редки, однако попарно они легко сочетаются как друг с другом, так и с собственно превербами, ср. такие формы, как *ne-be-per-raš-o* ‘больше не переписывает’, где *ne-* выражает отрицательную полярность, *be-* – континуативность (‘всё ещё’), а *per-* – преверб со значением повторности действия.

Таким образом, отсутствие в балтийских языках множественной глагольной префиксации в том смысле и в том объёме, в каких она представлена в славянских языках, вряд ли связан с простыми морфологическими запретами вроде «не более одного префикса в глагольной словоформе». Объяснения данному примечательному с ареально-типологической точки зрения факту у меня нет.

2. Грамматические категории

Из нетривиальных грамматических категорий балтийского глагола изучались главным образом те, которые находят параллели в генетически и/или географически близких языках. Это в первую очередь представленная и в других языковых ареалах, например, в балканском, нефинитная (причастная) стратегия выражения эвиденциальности, которой посвящена обширная литература (обсуждение балтийской эвиденциальности с ареально-типологической точки зрения см. в не-

давной работе [Kehayov, 2008], ср. также [Stolz, 1991: 45–50; Wälchli, 2000; Wiemer, 2006b]). Между тем в литовском языке имеется ряд грамматических категорий или грамем весьма нетривиального свойства, которые не имеют (прямых) аналогов в других языках восточно-балтийского региона (в том числе и в латышском, будучи литовскими инновациями сравнительно недавнего времени) и при этом не привлекали к себе должного внимания исследователей. Ниже я кратко остановлюсь на нескольких таких глагольных категориях.

2.1. Хабитуалис-в-прошедшем

Специальные средства для выражения хабитуального (узуального) значения в прошедшем времени, т. е. для обозначения обычных, неопределённое число раз в прошлом повторявшихся ситуаций, встречаются в языках мира сравнительно часто, см. [Dahl, 1985: 100–102; Bybee et al., 1994: 154–155]. В языках Европы это значение представлено лишь единичными случаями (см. [Thieroff, 2000: 295–297], где указаны литовский, английский и идиш; см. также [Сичинава, наст. сб.] об этом значении в русском языке), и лишь в литовском языке оно выражается связанной морфемой – суффиксом *-dav*, ср. пример (1), где хабитуалис-в-прошедшем (иначе называемый «прошедшее многократное», лит. *būtasis dažninis laikas*) противопоставлен простому претериту (так наз. прошедшему однократному, лит. *būtasis kartinis laikas*).

- (1) a. *Jon-as* *atvažiav-o* *pas* *tėv-us*.
 Й.-NOM.SG приехать-PST к отец-ACC.PL
 ‘Йонас приехал к родителям.’
- b. *Jon-as* *dažnai atvažiuo-dav-o* *pas* *tėv-us*.
 Й.-NOM.SG часто приехать-HAB.PST к отец-ACC.PL
 ‘Йонас часто приезжал к родителям’. [Geniušienė, 1997: 231]

Литовский хабитуальный претерит, благодаря своему флективному статусу является «полноправной» грамемой в литовской глагольной системе и сравнительно хорошо описан, см. [Генюшене, 1989; Sližienė, 1995: 224; Mathiassen, 1996b: 9–10; Geniušienė, 1997; Roszko, Roszko, 2006]. Интересно, однако, то, что ему нет прямых параллелей ни в одном из ближайших к литовскому языков, и даже в рамках литовской лингвогеографической области эта форма оказывается ограниченной аукштайтскими (верхнелитовскими) диалектами [Топоров, 1961: 55; Zinkevičius, 1966: 356–358; Eckert, 1996]. В жемайтских (нижнели-

товских) диалектах и в латышском языке для обозначения хабитуальности используются аналитические формы со вспомогательными глаголами с исходным значением ‘любить’⁴, ср. (2) и (3), причём если в жемайтском, насколько можно судить, семантика конструкции с глаголом *liuobėti* ограничена прошедшим временем, т. е. функционально эквивалентна стандартной литовской, то в латышском языке конструкция с глаголом *mēgt* может сочетаться с различными временами и соответственно менять свою темпоральную референцию.

- (2) *Tu liuob-i ne-klausy-ti* ЖЕМАЙТСКИЙ
 ты(NOM) любить-PRS:2SG NEG-слушать-INF
motin-os.
 мать-GEN.SG
 ‘Ты, бывало, не слушался матери’ [Eckert, 1996: 54].
- (3) *Es mēdz-u lasī-t vakar-os.* ЛАТЫШСКИЙ
 я(NOM) любить-PRS:1SG читать-INF вечер-LOC.PL
 ‘Я имею обыкновение читать по вечерам’ [KLLKV: 764].

В славянских языках аналогом литовского хабитуального прошедшего могут служить многократные («итеративные») глаголы с суффиксом **-va*, подобные русским *хаживать* или *бывать* (ср. [Топоров, 1961: 55])⁵. Продуктивность этих образований в разных славянских языках разная; важно, что в тех славянских языках, с которыми контактировал литовский, т. е. в польском, белорусском и русском, такие глаголы употребляются преимущественно в прошедшем времени. Тем не менее в настоящее время эти глаголы перестали быть продуктивными, особенно на востоке ареала; эпоха их наибольшей продуктивности в русском языке датируется XVI–XVIII вв., см. [Schuyt, 1990: 404–405; Klimonow, 2001: 131–132], после чего они стали постепенно выходить из употребления. Тем самым, даже если в возникновении литовского хабитуалиса-в-прошедшем и можно пытаться усматривать славянское контактное влияние, на современном этапе данная форма явным образом оказывается уникальной, причём не только для восточнобалтийского ареала, но и для всей языковой карты Европы в целом.

⁴ В современном латышском языке глагол *mēgt* употребляется только как вспомогательный.

⁵ О возможной этимологической связи литовских форм на *-dav* со славянскими образованиями на **-va* в связи с эпентетическим характером *-d* и вариациями *-d/-l*, наблюдающимися в форме хабитуалиса-в-прошедшем в литовских говорах, см. [Stang, 1942: 172–174].

2.2. Авертив

Другая грамматическая категория литовского глагола, не имеющая аналогов в восточнобалтийском ареале, – так называемые «сложные начинательные времена» (*sudurtinės pradėtinės laikų formos*, см. [Sližienė, 1961; Ulvydas (red.), 1971: 145–148]; другие названия: “Continuative” [Sližienė, 1995: 227–228], “Thwarted Inceptive” [Mathiassen, 1996b: 8–9]), образующиеся при помощи вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и активного причастия настоящего времени с префиксом *be-* и обозначающие событие, которое назревало, но не было реализовано, ср. (4).⁶

(4)	<i>Aš</i>	<i>buv-a-u</i>	<i>be-dirb-ąs,</i>	<i>kai</i>
	я(NOM)	AUX-PST-1SG	CNT-работать-PRS.PA.NOM.SG.M	когда
	<i>netikėtai</i>	<i>atvažiav-o</i>	<i>draug-as.</i>	
	неожиданно	приехать-PST	друг-NOM.SG	
	‘Я собирался начать работать, когда неожиданно приехал друг’.			

С типологической точки зрения данное нетривиальное грамматическое значение, относящееся к области «антирезультатива» [Плунгян, 2001], было описано в работах Т. Кутевой [Kuteva, 1998; 2001: Ch. 4], которая дала ему название «авертив». Именно этот ярлык я предлагаю закрепить за литовскими формами, подобными проиллюстрированным в примере (4). С точки зрения семантики литовские «начинательные времена» вполне соответствуют прототипу авертива, обозначающего событие в прошлом, которое должно было произойти, однако по каким-либо причинам, прервавшим естественный ход вещей, не случилось.

Более подробно характеристики литовского авертива обсуждаются в работе [Arkadijev, 2011], здесь же необходимо указать, что в других языках восточнобалтийского ареала аналогов ему нет. «Ближайшие» литовскому языку, обладающие грамматическим выражением авертива, – болгарский с конструкцией *цях да* [Маслов, 1981: 260–261] и французский с конструкцией *faillir de*. В принципе, авертивная семантика может быть выражена русской конструкцией с частицей *было* (ср. *совсем было подошёл к дому*), однако для неё данное значение скорее является периферийным по отношению к обозначению ситуации, ко-

⁶ Примеры, приведённые без указания источника, получены при опросе носителей языка.

торая началась, но была прервана, или имела место, но её результат стал впоследствии неактуальным (см. подробнее [Сичинава, 2007: 113 и след.; Сичинава, 2009, наст. сб.]).

Конструкция, демонстрирующая определённые черты формально-го и семантического сходства с литовским авертивом, представлена в эстонском и ряде других прибалтийско-финских языков (см. [Tamm, 2010: 39ff]). Она состоит из бытийного вспомогательного глагола и инфинитива на *-ma* в форме инэссива; одно из её значений близко, но не тождественно авертивному, а именно, проксимативное: ‘имеются предпосылки к осуществлению ситуации в ближайшем будущем’, ср. эстонский пример (5). Важное отличие проксиматива от авертива состоит в том, что первый не ограничен временным планом прошлого и не содержит семантического компонента контрфактивности, неосуществления ситуации.

(5) *Ta on sure-ma-s.* Эстонский
 он:НОМ.СГ АУХ:ПРС:3СГ умереть-ИНФ-ИНЕСС
 ‘Он вот-вот умрёт’ [Tamm, 2010: 39].

Выделяется литовский авертив также и своим происхождением (см. [Ulvydas (ed.), 1971: 146]), демонстрируя, насколько мне известно, ранее не отмеченный путь развития прогрессива – форм со значением ситуации, длящейся в точке отсчёта. Несмотря на то что семантико-прагматические механизмы превращения не окончательно грамматализовавшегося прогрессива, представленного в старолитовских текстах и в некоторых диалектах (преимущественно в жемайтских), см. [Амбразас, 1990: 180], в авертив представляются более или менее ясными (здесь должны были сыграть важную роль контексты, в которых длительное фоновое действие, обозначенное прогрессивом, прерывалось каким-либо событием, с последующими конвенционализацией и обобщением значения прерванности), другие примеры такого развития в литературе ранее не фиксировались.

Здесь опять-таки можно обратить внимание на уже упомянутую эстонскую конструкцию, другим значением которой, наряду с проксимативным, является прогрессивное (см. [Tommla, 2000; Tamm, 2010: 37–45]); совмещение прогрессивного и проксимативного значений в одной форме, однако, не представляет собою ничего экзотического: проксимативное значение естественным образом возникает с предикатами определённых акциональных типов (например, с моментальными

ми), ср. английское *he is reaching the summit* ‘он вот-вот достигнет вершины’, см., например, [Smith, 1997/1991: 75]. Авертивное значение, возможно, может возникнуть в результате сужения и обогащения проксимативного, однако в любом случае предполагать какое-либо взаимное влияние между литовским авертивом и эстонской конструкций с инэссивом инфинитива на *-ta* затруднительно, ввиду того что ареалы распространения этих форм, видимо, никогда не были смежными.

2.3. Континуатив

Ещё одна глагольная категория, представленная в литовском языке, – синтетический континуатив, образующийся при помощи уже упомянутого префикса *be-*. Строго говоря, данный префикс (помимо только что рассмотренного авертива) имеет целый ряд употреблений, которые не всегда легко охарактеризовать с семантической точки зрения и которые, к сожалению, остаются практически не описанными в литуанистической литературе (в наиболее полной литовской академической грамматике ему посвящено всего несколько строк, см. [Ulvydas (red.), 1971: 295]). Континуативное значение (‘ситуация всё ещё имеет место’) является наиболее чётко выделяемой и, видимо, наиболее частотной, функцией данного префикса. Подробнее о семантике и сочетаемости литовского континуатива см. [Arkadiev, 2011], здесь же я лишь дам ему самую общую характеристику.

Континуатив в литовском языке существует в двух вариантах, отличающихся полярностью: положительном (к префиксу *be-* в таком случае присоединяется слева префикс *te-*) и отрицательном (перед префиксом *be-* здесь выступает отрицательный префикс *ne-*, см. об этом сочетании [Ostrowski, 2010]), ср. примеры (6a) и (6b).

- (6) a. ... *miestel-yje te-be-gyven-o daug našli-ų.*
 городок-LOC.SG POS-CNT-житьь-PST много вдова-GEN.PL
 ‘... в городке всё ещё жило много вдов’ [LKT].
- b. *Tada j-is jau ne-be-gyven-o*
 тогда он-NOM.SG.M уже NEG-CNT-житьь-PST
su žmon-a...
 с жена-INS.SG
 ‘Тогда он уже больше не жил с женой...’ [LKT].

Континуатив сочетается практически со всеми глагольными формами, включая аналитические и нефинитные, и является довольно употребительной грамматической категорией литовского языка. Тот факт,

что на него до сих пор практически не обращали внимания ни авторы грамматических описаний литовского языка (так, в монографии [Paulauskienė, 1979], специально посвящённой обсуждению статуса и состава грамматических категорий литовского глагола, эти формы даже не упоминаются), ни типологи, ни специалисты по балтийской и европейской ареальной лингвистике, весьма прискорбен. Между тем наличие в литовском языке морфологического показателя для значения, которое в других языках Европы выражается лишь лексическими или аналитическими средствами (см. недавнюю работу [Mortier, 2010], содержащую ряд проницательных, хотя и предварительных наблюдений о континуативных конструкциях во французском и нидерландском), делает глагольную систему этого языка типологически весьма нетривиальной. Никакие аналоги литовского континуатива ни в других балтийских языках, ни в славянских или прибалтийско-финских мне неизвестны. Происхождение этой категории также во многом загадочно; существующие этимологии префикса *be-* (см. [Vaillant, 1947; Fraenkel, 1962: 38; Zinkevičius, 1981: 195–196; Smoczyński, 2007: 51]) являются чисто спекулятивными и не проливают света на его семантику; соображения о происхождении формы на *tebe-* см. в работе [Ostrowski to appear].

2.4. Рестриктив

Последняя из рассматриваемых здесь грамматических категорий литовского глагола, также не получившая до сих пор освещения в литературе, – рестриктив, т. е. морфологическое кодирование значения ‘только’. В литовском языке имеется несколько способов выразить эту семантику: частицы *tik*, *tiktai* ‘только’ и *vien* ‘единственно’, а также полифункциональный глагольный префикс *te-*, ср. красивый и одновременно показательный пример (7).

(7)	<i>Ši-os</i>	<i>scen-os</i>	<i>grož-į</i>
	ЭТОТ-GEN.SG.F	сцена-GEN.SG	красота-ACC.SG
	<i>te-gal-i-m-a</i>	<i>sulygin-ti</i>	<i>su gerv-ės</i>
	RSTR-МОЧЬ-PRS-PP-N	сравнить-INF	с журавль-GEN.SG
	<i>skrydži-u...</i>		

полёт-INS.SG

‘Красоту этой сцены можно сравнить лишь с полётом журавля...’ (Gintaras Beresnevičius, *Apie pagavimą šnių*, 1998, <http://www.tekstai.lt/tekstai>).

Особенность рестриктивного показателя *te-* состоит в том, что, присоединяясь к глагольной словоформе, в своей семантической сфере действия он как правило имеет ту или иную составляющую предложения (актант или сирконстант), подчас даже, как в примере (7), вложенную в зависимую клаузу (подробнее о морфосинтаксических и семантических характеристиках литовского рестриктивного префикса см. [Arkadijev, 2010]). Рестриктивные показатели с «плавающей» сферой действия в языках мира представлены довольно широко, ср. поведение английского наречия *only* [König, 1991: Ch. 2; Dryer 1994], однако аффиксальное выражение рестриктива, напротив, является большой редкостью. Единственная известная параллель к литовскому рестриктивному префиксу *te-* обнаружена в полисинтетическом языке пининь кун-уок (семья гуньвингу, Северная Австралия, [Evans, 1995]). Происхождение литовского рестриктива неясно примерно в той же степени, что и континуатива, см. неубедительные этимологии в [Fraenkel, 1965: 1071; Zinkevičius, 1981: 198].

* * *

Итак, к литовском языке представлен целый ряд грамматических глагольных категорий большей или меньшей степени «экзотичности», не имеющих прямых аналогов в языках восточнобалтийского региона. Две из них – *хабитуалис-в-прошедшем* и *авертив* – довольно неплохо представлены в языках мира и встречаются в других языках Европы, две другие – аффиксальный континуатив и особенно аффиксальный рестриктив, – по-видимому, редки и типологически⁷. Разумеется, ответить на вопрос о том, почему в конкретном языке возникают и сохраняются те или иные редкие явления, невозможно. Почему эти категории не были заимствованы в те языки, с которыми литовский находился в интенсивном контакте? Ответ на этот вопрос также может быть лишь спекулятивным, однако я позволю себе высказать несколько соображений на этот счёт.

Во-первых, следует обратиться к социолингвистическому статусу находящихся в непосредственном языковом контакте идиомов (о социолингвистической ситуации в Великом Княжестве Литовском см. [Wiemer, 2003; Иванов, 2005]; о роли социолингвистической асим-

⁷ Типология средств выражения континуатива, насколько мне известно, вообще не разработана.

метрии в направлении контактных влияний см., например, [Heine, Kuteva, 2005: 237–239]). С одной стороны, на протяжении длительного периода литовский язык имел подчинённый социолингвистический статус, будучи языком по преимуществу крестьянства и служа скорее реципиентом, нежели донором разнообразных заимствований (как лексических, так и грамматических⁸). С другой стороны, при контакте литовского языка и его диалектов с менее престижными идиомами (с конкретными славянскими диалектами и с такими языками, как идиш или цыганский) возникали ситуации, когда именно литовский язык оказывался донором лексических или грамматических заимствований (о литовском влиянии на славянские диалекты, распространённые на территории Литвы, см., например, [Лекомцева, 1972; Судник, 1974, 1975; Гринавецкене, 1972; Wiemer, 2004a; Ананьева, 2008; Вимер, в печати; Эркер, в печати]). Тем самым отсутствие рассмотренных выше грамматических явлений в литературных польском, белорусском, латышском языках, строго говоря, ничего не говорит о том, насколько литовские глагольные категории оказались способны к «проникновению» в контактирующие идиомы – следы контактных влияний необходимо искать в диалектах или в «малых» языках (см. об этом в общем плане [Kortmann (ed.), 2004; Wiemer, Wälchli, 2012]).

К сожалению, сколько-нибудь подробных данных о наличии или отсутствии таких гипотетических контактных влияний литовского на смежные с ним диалекты славянских языков, идиш и цыганского, в моём распоряжении нет. Так, судя по краткому описанию литовского диалекта цыганского языка [Tenser, 2005], основным источником заимствованных грамматических явлений для него послужили славянские языки, а не литовский (так, подобно другим распространённым на территории Восточной Европы цыганским диалектам, литовский цыганский заимствовал славянские глагольные приставки, см. также [Русаков, 2000]). В языке идиш, как уже было указано в § 2.1, имеется аналитический хабиуталис-в-прошедшем, образующийся с помощью вспомогательного глагола *flegn* (< нем. *pflügen*), [Aronson, 1985: 184–185; Jacobs, 2005: 222]. Единственное, в чём можно попытаться усмотреть контактное влияние литовского (причём скорее жемайтского диалекта

⁸ В частности, в статье [Wiemer, Hansen, 2012] говорится о том, что случаев, чтобы славянские языки претерпели грамматические изменения под влиянием балтийских, не отмечено.

с его аналитическим хабиитуалисом, нежели аукштайтского) на эту конструкцию, – её ограниченность планом прошлого, в отличие от книжной немецкой конструкции *pfliegen zu* + инфинитив⁹. Материал славянских диалектов на территории Литвы, представленный в упомянутых выше публикациях, демонстрирует определённые литовские влияния, однако не в тех аспектах, которые интересуют меня в данной статье.

Во-вторых, важным, хотя и не абсолютным, ограничителем внешнего влияния является структура языка – потенциального реципиента грамматического заимствования (см. обсуждение в [Thomason, 2001: 63–64; Heine, Kuteva, 2005: 234–236]). Так, калькирование балтийскими языками и идиш (о последнем в этой связи см. [Wexler, 1964; Talmy, 1982]) семантических моделей славянских глагольных приставок и даже прямое заимствование некоторых славянских приставок (см. §1.3) существенно облегчалось существованием в этих языках своих собственных систем глагольной префиксации, типологически сходных со славянской. Напротив, влияние другого важного славянского грамматического явления – суффиксальной вторичной имперфективации – было ограничено литовским языком, который единственный имеет показатель, формально и функционально сходный со славянским, – суффикс итератива *-inė*. Системы латышского и идиш не обладали единицей, которая могла бы быть поставлена их носителями в соответствие славянскому суффиксу *-(ы)ва*, и потому контактное влияние в данном случае оказалось невозможным или затруднённым (применительно к идиш эта логика изложена в [Talmy, 1982]).

Исходя из этого, можно предположить, что такие «экзотизмы» литовской глагольной системы, как префиксальные континуатив и рестриктив, лишь с небольшой вероятностью могли бы быть заимствованы в какие-либо из контактирующих с литовским идиомов, поскольку в языках-реципиентах не было никаких сходных средств выражения таких или близких значений. Единственный механизм контакта, который мог бы «сработать» в таком гипотетическом случае – стопроцентное заимствование литовской морфемы вместе с её семантикой и звуковой оболочкой, что требовало бы специфических социолингвистических условий.

⁹ В некоторых других аспектах грамматики идиш на территории Литвы испытал определённое влияние литовского языка, см. [Jacobs, 2001].

Ещё один фактор состоит в том, что грамматической интерференции подвержены в первую очередь частотные языковые единицы, которые достаточно актуализированы в сознании двуязычных носителей идиома-реципиента (ср. представленную в [Thomason, 2001: 76] формулировку данного ограничения в терминах «маркированности» языковых единиц, которая, как известно [Haspelmath, 2006], во многом сводится к частотности; о роли частотности в ареальной лингвистике см., например, [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli, 2001: 627; Wiemer, 2004a; Heine, Kuteva, 2005: 44–62]). Литовские континуатив и в особенности рестриктив не являются высокочастотными показателями (скорее наоборот), и потому вероятность их заимствования в контактирующие идиомы, по-видимому, крайне низка (о заимствовании грамматических единиц при языковых контактах см. [Matras, 2007; Wiemer, Wälchli, 2012]).¹⁰

3. Морфосинтаксис

Особенности морфосинтаксиса балтийских языков исследованы весьма неравномерно и об интерпретации многих из них с ареально-типологической точки зрения говорить преждевременно. В данном разделе речь пойдёт о двух явлениях, которые были изучены сравнительно неплохо, причём не только в синхронном, но и в историческом аспектах: использование пассивизации в эвиденциальной функции и падежное маркирование актантов нефинитных клауз. Оба они связаны с такой яркой и в определённой степени исключительной (но скорее относительно, нежели абсолютно) характеристикой литовской глагольной системы, как богатство нефинитных глагольных форм.

Действительно, в отличие от большинства языков Европы, обладающих сравнительно бедным набором нефинитных образований, в литовском языке представлен целый ряд таких форм: активные и пассивные причастия всех времён, различающиеся помимо этого по нетривиальному и играющему принципиальную роль в синтаксисе признаку «наличия vs. отсутствия согласования» (о системе литовских причастий см. [Klimas, 1987; Амбразас, 1990; Petit, 1999: 113–134; Wiemer, 2001; Вимер, 2009: 179–200]), специализированное деепричастие, выражающее таксисное значение одновременности (см. [Вимер, 2004]), а

¹⁰ В частности, Я. Матрас [Matras, 2007: 44] пишет, что «случаи заимствования видо-временных показателей крайне редки».

также причастие пассивного долженствования и инфинитив. Центральными в этой системе являются причастия и инфинитив, выступающие в разнообразных синтаксических конструкциях и в разных функциях демонстрирующие различные нетривиальные свойства.

Система нефинитных форм современного литовского языка по своему богатству может сравниться лишь с аналогичными системами таких индоевропейских языков, как древнегреческий или санскрит. Даже латышский и латгальский языки обладают системами нефинитных образований, редуцированными в сравнении с литовской, как в формальном, так и в функциональном плане.

Ниже я рассмотрю, однако, не литовскую систему нефинитных форм в целом и не какую-либо из этих форм во всех её употреблениях, но вполне конкретные конструкции, в которых эти формы выступают. Именно эти конструкции и их морфосинтаксические особенности могут трактоваться как очередные признаки, выделяющие литовский язык из его ближайшего окружения.

3.1. Эвиденциальный «пассив»

Хотя категория эвиденциальности, основанная на нефинитных глагольных формах (причастиях), является ареальной чертой, общей для литовского, латышского, ливского и эстонского языков [Wälchli, 2000], её конкретное выражение в каждом из этих языков имеет свои особенности. Характерная черта литовской системы, не имеющая аналогов в соседних языках, – использование в качестве одного из средств выражения эвиденциальности морфосинтаксического механизма так называемой безличной пассивизации. Этим конструкциям посвящена обширная литература, см. [Timberlake, 1982; Wiemer, 2004b; 2006b; Lavine, 1999, 2006, 2010a; Holvoet, 2007: 96–104], и ниже я лишь кратко охарактеризую их важнейшие свойства.

Подобно другим эвиденциальным конструкциям литовского языка, эвиденциальный пассив характеризуется отсутствием финитной глагольной формы, место которой занимает изменяющееся по времени пассивное причастие, выступающее в несогласуемой форме (традиционно именуемой формой среднего рода). Субъект глагола выражается генитивом (подобно агентивному дополнению обычной пассивной конструкции), а объект – номинативом (в некоторых диалектах – аккумулятивом), ср. (8).

- (8) a. *Girdėj-a-u*, *j-o* *miest-e* *nam-as*
 слышать-PST-1SG он-GEN.SG.M город-LOC.SG дом-NOM.SG
stat-o-m-a.
 строить-PRS-PP-N
 ‘Я слышал, он в городе строит дом’ [Ambrasas (ed.), 1997: 281].
- b. *Gal Jonuk-o* *t-ie* *gryb-ai*
 может Й.-GEN.SG DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL
atneš-t-a.
 принести-PST-PP-N
 ‘Может, это Йонукас принес те грибы’ [ibid.].

От обычных пассивных конструкций эвиденциальный пассив, помимо эвиденциального значения и облигаторного отсутствия финитного вспомогательного глагола, отличается рядом морфосинтаксических характеристик (см. [Holvoet, 2007: 100–103; Lavine, 1999, 2006]). Во-первых, несмотря на то, что объект исходной активной глагольной формы оформлен номинативом, согласование с ним в эвиденциальном пассиве невозможно, ср. собственно пассивные варианты предложений из (8) в (9a) и (9b), соответственно.

- (9) a. *Nam-as* (*yra*) *j-o* *stat-o-m-as*.
 дом-NOM.SG AUX:PRS:3 он-GEN.SG.M строить-PRS-PP-NOM.SG.M
 ‘Им строится дом’.
- b. *T-ie* *gryb-ai* (*yra*) *atneš-t-i*
 DEM-NOM.PL.M гриб-NOM.PL AUX:PRS:3 принести-PST-PP-NOM.PL.M
Jonuk-o.
 Й.-GEN.SG
 ‘Те грибы принесены Йонукасом’.

Во-вторых, как показывает различие в порядке слов между примерами (8) и (9), эвиденциальный пассив сохраняет коммуникативную структуру активной конструкции, в которой агенс занимает центральное место, в отличие от канонического пассива, функция которого – понижение коммуникативного и синтаксического статуса агенса. Более того, как показано в упомянутых работах, есть все основания считать, что в литовском эвиденциальном пассиве не происходит перераспределения собственно синтаксических функций аргументов – меняется лишь их падежное оформление. Тем самым ярлык «пассив» пригоден для характеристики лишь наиболее поверхностных свойств рассматриваемых конструкций.

Наиболее необычная черта литовского эвиденциального «пассива» состоит в том, что данная конструкция способна образовываться от любых глаголов, в том числе неагентивных непереходных (10a), нульвалентных вроде *lyti* ‘идти (о дожде)’ (10b) и даже от канонического пассива (10c).

- (10) a. *Mano užmig-t-a.*
 я:POSS заснуть-PST.PP-N
 ‘Я, должно быть, заснул’ [Holvoet, 2007: 102].
- b. *Šiņnakt paly-t-a.*
 этой.ночью пройти.о.дожде-PST.PP-N
 ‘Этой ночью, видимо, прошёл дождь’ [ibid.].
- c. *J-o bū-t-a ilgai muš-t-o.*
 он-GEN.SG.M AUX-PST.PP-N долго бить-PST.PP-GEN.SG.M
 ‘Его, должно быть, долго били’ [ibid.: 98].

Продемонстрированная в примере (10c) рекурсивная пассивизация (с той оговоркой, что второе применение пассива отражается лишь в морфологии, но не в синтаксисе) крайне редко встречается в языках мира.¹¹

С точки зрения ареальной типологии литовский «эвиденциальный пассив» уникален в первую очередь сочетанием всего комплекса своих семантических и морфосинтаксических свойств. Так же, как выражение эвиденциальности при помощи (исторически) нефинитной морфологии является общей чертой балтийских и ряда прибалтийско-финских языков, безличная пассивизация как морфосинтаксический механизм присуща (с разной степенью продуктивности) сразу нескольким идиомам данного региона (см. [Wiemer, to appear]: польскому [Swan, 2002: 315–316], украинскому [Lavine, 2010b] и в особенности севернорусским диалектам, см. [Кузьмина, Немченко, 1971; Lavine, 1999; Wiemer, 2004c]. При этом в последних безлично-пассивные формы образуются, как и в литовском, от непереходных и неагентивных предикатов, ср. *У меня на службе побывано* [Шапиро, 1953, цит. по. Lavine, 1999], однако, насколько я могу судить на основании доступной мне литературы, рекурсивная пассивизация, подобная проиллюстрированной в (9b), в севернорусских говорах невозможна.

¹¹ Образование безличной пассивной конструкции от собственно пассивной возможно в ирландском языке, см. [Noonan, 1994], однако там две конструкции существенно различаются в поверхностной морфологии.

3.2. Падежное оформление актантов в нефинитных клаузах

Выступая в функции вершины зависимой клаузы (сентенциального актанта или сирконстанта), те или иные литовские нефинитные формы накладывают ограничения на способ выражения актантов предиката.¹² Наиболее общим и типологически тривиальным из таких ограничений является запрет на выражение подлежащего, референциально связанного с подлежащим главного предложения, – в таких случаях соответствующая синтаксическая позиция в нефинитной зависимой клаузе (возглавляемой причастием, деепричастием или инфинитивом) остаётся незаполненной. Более интересны ситуации, когда подлежащее при нефинитном сказуемом может быть выражено. Основной класс таких случаев в балтийских языках (здесь литовский и латышский в значительной степени совпадают) составляют конструкции с причастиями (см. подробнее [Schmalstieg, 1987: 86–98; Амбразас, 1990]).

При глаголах восприятия, речи и мысли причастия могут оформлять сказуемое сентенциального актанта, выражающего валентность содержания; при этом субъект нефинитного оборота оформляется аккумулятивом, а само причастие выступает в несогласуемой форме, ср. пример (11) из литовского и (12) из латышского.

- (11) *Sak-ia-u* *tėv-q* *gerai* Литовский
сказать-PST-1SG отец-ACC.SG хорошо
gyven-a-nt.
жить-PRS-PA
‘Я сказал, что мой отец хорошо живёт’ [Ambrasas (ed.), 1997: 367].

- (12) *Dzird-ēj-u* *Alm-u* *atbrauc-a-m* Латышский
слышать-PST-1SG А.-ACC.SG приехать-PRS-PP
uz *Stokholm-u*
в С.-ACC.SG
‘Я слышал, что Алма приехала в Стокгольм’ [Mathiassen, 1997: 150].

В литовском языке конструкции, подобные (11), более продуктивны, чем в латышском. Если в последнем они употребляются практиче-

¹² Данный раздел основан на докладе на круглом столе “Clausal arguments in comparative perspective” в рамках VI Международной конференции по контрастивной лингвистике, Берлин, сентябрь–октябрь 2010 г.

ски лишь с глаголами чувственного восприятия и ограничены одной причастной формой (форма на *-at* исторически является пассивным причастием настоящего времени, однако, насколько можно судить, утратила оба эти значения), см. [Eiche, 1983: 40–49], то в литовском такие конструкции допустимы с практически открытым классом предикатов, семантически способных подчинять пропозицию, и образуются с причастиями всех времён (см. подробнее [Gronemeyer, Usonienė, 2001: 116–120; Arkadiey, 2012; Аркадьев, 2011]). Кроме того, как показано в указанных работах, при значительной части матричных предикатов аккузативная именная группа относится именно к причастной клаузе, а не является объектом главного предложения.

Оформление сентенциальных актантов глаголов восприятия и речи с помощью причастий характерно и для прибалтийско-финских языков, ср. финский пример (13), где субъект нефинитной клаузы оформлен генитивом, т. е. падежом прямого дополнения, а причастие, в отличие от аналогичных балтийских конструкций, согласуется с ним. В аналогичных конструкциях эстонского языка субъект нефинитной клаузы может быть оформлен как генитивом, так и партитивом (оба выступают как падежи прямого дополнения), ср. (14) (выбор падежа субъекта и падежное оформление причастия в эстонском зависят от семантики и синтаксической структуры конструкции, см. [Tamm, 2008; 2009: 383–394]).

- (13) *Näe-n* ***Kalle-n*** *itke-nee-n.* Финский
 видеть-1SG К.-GEN.SG плакать-PST.PA-GEN.SG
 ‘Я вижу, что Калле плачет’ [Karlsson, 1999: 201].
- (14) *Mari* *arva-s* ***Tooma / Toomas-t*** Эстонский
 М.(NOM.SG) думать-PST Т.:GEN.SG / Т.-PRT.SG
raamatu-t *kirjuta-va-t.*
 книга-PRT.SG писать-PRS.PA-PRT.SG
 ‘Мари думала, что Томас писал книгу’ [Tamm, 2008: 1].

Напротив, для современных славянских языков оформление позициональных актантов при глаголах восприятия, речи и мысли с помощью нефинитных форм (причастий или инфинитива) нехарактерно, несмотря на то что в древних славянских языках присутствовали конструкции, аналогичные балтийским (см. [Амбразас, 1990: 148] и библиографию там).

Когда причастие возглавляет сентенциальный сирконстант с временным, условным или иным значением, его субъект оформляется да-

тивом, а причастие, как и в актантных клаузах, выступает без показатель согласования, ср. параллельные литовский и латышский примеры (15) и (16).

- (15) *Vaik-ams* *sugrįž-us,* *pragydo* Литовский
 ребёнок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST
lakštingal-a.
 соловей-NOM.SG
 ‘Когда дети вернулись, запел соловей’ [Ambrasas (ed.), 1997: 363].
- (16) *Jān-im* *uzrakst-ot* *vēstul-i,* *Sarm-a* Латышский
 Я.-DAT.SG дописать-PRS.PA письмо-ACC.SG С.-NOM.SG
atnāc-a.
 придти-PST:3
 ‘Когда Янис дописывал письмо, пришла Сарма’ [Mathiassen, 1997: 151].

Как и в случае с актантными причастными конструкциями, в латышском языке конструкции, подобные (16), более ограничены, чем в литовском: в них употребляются лишь активные причастия настоящего времени в значении одновременности, а для выражения таксиса следования могут использоваться лишь финитные придаточные предложения [Mathiassen, 1997: 151], ср. также [Eiche, 1983: 51–52].

Отчасти сходные конструкции имеются и в прибалтийско-финских языках, см. [Karlsson, 1999: 186–188; 205–207] о финском, где, однако, субъект сирконстантного причастия оформляется так же, как субъект актантного, – генитивом (так же устроены эти конструкции и в эстонском языке – А. Тамм, личное сообщение). Однако ближайшей параллелью к литовским и латышским конструкциям *dativus cum participio* являются славянские конструкции *dativus absolutus*, в которых причастие было согласовано со своим дативным субъектом (см. обсуждение и библиографию в [Амбрасас, 1990: 174–180]). Собственно, данные старолитовских и отчасти старолатышских текстов указывают на изначальное структурное тождество балтийских и славянских конструкций – в старолитовском причастие также согласовывалось с дативным субъектом, и отдельные примеры этого отмечаются и в фольклоре [там же: 163 и след.]. В ходе дальнейшего развития славянские языки утратили абсолютные конструкции с дативом (что может быть частью более общего процесса устранения дативных субъектов, наблюдавшегося и

в инфинитивных клаузах, см. [Holvoet, 1996]), а балтийские, сохранив их, создали новое противопоставление согласуемых и несогласуемых причастий, выступающих, соответственно, в односубъектных и разносубъектных конструкциях (см. также [Greenberg, Lavine, 2006]).

Таким образом, как и сама система литовских нефинитных форм, морфосинтаксические особенности причастных конструкций в этом языке выделяются на фоне аналогичных механизмов соседних языков скорее количественно, с точки зрения их распространённости и продуктивности, нежели качественно. При этом стоит обратить внимание на то, что это «зашедшее далеко» развитие литовского причастного морфосинтаксиса, будучи в своей исторической основе наследием индоевропейской древности, тем не менее является локальной инновацией, которую можно проследить по текстам исторического периода, а не результатом консервации древнего состояния. С ареальной точки зрения интересно (и даже несколько парадоксально) то, что экспансия литовских причастных конструкций происходила фактически параллельно редукции и исчезновению структурно аналогичных конструкций в славянских языках.

Обратимся теперь к конструкциям с инфинитивом. Представленные в литовском языке способы оформления выраженных актантов инфинитивных клауз (имеются в виду, разумеется, типы кодирования, не совпадающие с таковыми при финитных глагольных формах) можно разбить на три класса по степени их типологической нетривиальности.

Во-первых, выраженный субъект инфинитива может быть маркирован дативом, что наблюдается и в обоих балтийских языках, особенно в латышском (см. [Holvoet, 1996, 2010]), и, по крайней мере, исторически, во всех географически близких славянских идиомах; в прибалтийско-финских языках, где инфинитив сохраняет значительно больше морфосинтаксических черт отглагольного имени (в частности, изменяется по падежам), его выраженный субъект оформлен генитивом, см. [Karlsson, 1999: 192–193] о финском.

Во-вторых, в ряде конструкций объект инфинитива может быть оформлен номинативом, ср. (17). Эту черту литовский разделяет с латышским (18), с прибалтийско-финскими языками, ср. эстонский пример (19), и с рядом севернорусских диалектов, ср. древненовгородский пример (20); подробнее см. [Ларин, 1963; Timberlake, 1974; Schmalstieg, 1987: 145ff; Ambrazas, 1987, 2001]. Напротив, для совре-

менных литературных славянских языков такие конструкции нехарактерны.

- (17) *J-am* *ne-patik-o* *laukel-is* Литовский
 он-DAT.SG.M NEG-нравиться-PST поле-NOM.SG
ar-ti.
 пахать-INF
 ‘Ему не нравилось пахать поле’ [Ambrazas (ed.), 1997: 638].
- (18) *Visvairāk viņ-ai* *patīk* *lasī-t* Латвийский
 наиболее он-DAT.SG.F нравится:PRS:3 читать-INF
Bībel-e.
 Библия-NOM.SG
 ‘Больше всего ей нравится читать Библию’ [Holvoet, 1993: 157].
- (19) *Mei-l* *tuleb* *vaheaeg* *teh-a.* Эстонский
 мы-ADESS должно перерыв(NOM.SG) делать-INF
 ‘Мы должны устроить перерыв’ [Klaas, 1996: 45].
- (20) *въ волости твоеи толико вода питу* Др.-новгородский
в городищѣных [Зализняк, 2004: 156].

В-третьих, в целевых инфинитивных конструкциях в литовском объект может быть оформлен дативом (21a) или – при глаголах движения – генитивом (21b). Об этих конструкциях см. [Ambrazas, 1981, 1987; Schmalstieg, 1987: 174–179, 214–220; Sawicki, 1992; Franks, Lavine, 2006].

- (21) a. *iššov-ė* *žmon-ėms* *pagąsdin-ti.*
 выстрелить-PST люди-DAT.PL испугать-INF
 ‘Выстрелил, чтобы напугать людей’ [Ambrazas (ed.), 1997: 557].
- b. *išvažiav-o* *keli-o* *taisy-ti.*
 поехать-PST дорога-GEN.SG чинить-INF
 ‘Поехали чинить дорогу’ [ibid.].

Несмотря на то что в современном литовском языке конструкции с дативом и с генитивом демонстрируют во многом сходные синтаксические свойства, отличаясь в первую очередь тем, с какими матричными глаголами они сочетаются, их происхождение совершенно различно. Конструкции с генитивом восходят к зафиксированным в старолитовских текстах и отчасти сохраняющимся и в архаичных вариантах современного языка конструкциям с супином – отглагольным именем со значением цели движения, при котором именная группа, соответствующая объекту глагола, оформлялась генитивом по обычной моде-

ли несогласованного определения, ср. пример (22) из архаизированной речи XX века. Конструкции с инфинитивом и генитивом объекта возникли в результате вытеснения супина близким по значению и по форме, но существенно более частотным инфинитивом (см. [Schmalstieg, 1987: 174–176]).

- (22) *ei-ti* *laim-ēs* *ieško-tu*.
 идти-INF счастье-GEN.SG искать-SUP
 ‘идти искать счастья’ [Schmalstieg, 1987: 174].

В латгальском языке конструкции с супином и генитивом объекта употребляются до сих пор, ср. пример (23) [Nau, 2011: 61]:

- (23) *Vīn-u* *reiz-i* *Polsān-s* ЛАТГАЛЬСКИЙ
 один-ACC.SG раз-ACC.SG п.-NOM.SG
nūdūmōj-a *ī-t* *vac-ōs* *naud-ys*
 надумать:PST-3 идти-INF старый-GEN.SG деньги-GEN.SG
rok-t.
 копать-SUP
 ‘Однажды Полсан надумал идти выкапывать клад’.

Происхождение объектного датива при инфинитиве обсуждается в работах [Ambrasas, 1981, 1987; Schmalstieg, 1987: 214–220]. По всей видимости, они возникли в результате переосмысления конструкций, в которых дативная именная группа зависела не от инфинитива, а от вершинного предиката или имени, при которых она обозначала цель действия или назначение предмета, ср. современные литовские конструкции с целевым дативом при глаголе: *gimti kovai* ‘родиться для борьбы’ [Ambrasas (ed.), 1997: 511] – и при имени: *popierius laiškams* ‘бумага для писем’ [ibid.: 570]. Современные конструкции, в которых дативная именная группа явно зависит от инфинитива, как в примере (24), обязаны своим происхождением переразложению и генерализации конструкций типа *vanduo gėlėms palaistyti*, букв. ‘вода цветам полить’, где датив семантически связан как с вершинным именем, так и с инфинитивом.¹³

¹³ Как справедливо отмечают Б. Вимер и А. Хольфут (частные сообщения), во многих случаях дативные именные группы в таких конструкциях до сих пор могут трактоваться как принадлежащие сразу обоим клаузам; тем не менее, по моему мнению, примеры вроде (24) свидетельствуют о том, что связь дативного объекта с инфинитивом является в современном языке более тесной. См. об этом также [Franks, Lavine 2006].

- (24) *Privači-am* *nam-ui* *staty-ti* *pakank-a*
 частный-DAT.SG.M дом-DAT.SG строить-INF хватить-PRS
dviej-ų *žmoni-ų...*
 два-GEN.PL люди-GEN.PL
 ‘Для строительства частного дома достаточно двух человек...’¹⁴

В латышском языке, несмотря на наличие конструкций с приименным целевым дативом, ср. *vilna cimdiem* ‘шерсть для варежек’ [Mathiassen 1997: 180], дативный объект при инфинитиве невозможен, вместо него употребляется аккузатив [Ambrazas 1981: 18]. Отдельные примеры конструкций, аналогичных литовским, отмечаются в древних славянских языках, ср. старочешский пример (25); обсуждение и библиографию см. в [Ambrazas 1981: 18ff; 1987].

- (25) *kúpi-chu* *pol-e* *pútnik-óm* СТАРОЧЕШСКИЙ
 купить-AOR:1SG поле-NOM/ACC.SG путник-DAT.PL
hrěs-ti.
 хоронить-INF
 ‘Купил поле, чтобы хоронить путников’ [Ambrazas, 1981: 18].

Тем не менее, аналогично рассмотренным выше конструкциям с причастиями в литовском и славянских языках, несмотря на общность происхождения, конструкции с дативным объектом при инфинитиве развивались в противоположных направлениях: в литовском – в сторону экспансии и переосмысления дативной именной группы как составляющей инфинитивного оборота, а в славянских языках – в сторону исчезновения.

Если рассмотренные выше литовские конструкции с причастиями и инфинитивом нельзя назвать не имеющими аналогов, по крайней мере, в исторической перспективе, то форма, к которой я перехожу в заключение данного раздела, по-видимому, является уникальной для литовского языка. Это причастия (употребляющиеся как в атрибутивной, так и в обстоятельственной функциях) с суффиксом *-in-as*, образующиеся в первую очередь от глаголов движения и каузированного перемещения (*nešti* ‘нести’, *vesti* ‘вести’, *skubėti* ‘спешить’ и др.), см. о них [Амбразас, 1990: 51–52] и в первую очередь [Gliwa, 2003]. Особенность этих форм состоит в том, что объект переходного глагола при них оформляется обычно инструментальным падежом, а не аккузати-

¹⁴ http://www.spec.lt/lt/betono_gaminiai-Statybine_sistema_Velox_Lego_suaugusiesiems.

вом, как, например, с деепричастиями одновременности на *-dam-as*, ср. синонимичные примеры (26a) и (26b).

- (26) a. *Atėj-o* *neš-in-as* *sunk-iu*
 придти-PST нести-PRT-NOM.SG.M тяжёлый-INS.SG.M
lagamin-u
 чемодан-INS.SG
 ‘Пришёл, неся тяжёлый чемодан’.
- b. *Atėj-o* *neš-dam-as* *sunk-ų*
 придти-PST нести-CNV-NOM.SG.M тяжёлый-ACC.SG.M
lagamin-ų
 чемодан-ACC.SG
 ‘тж.’

Несмотря на то что примеры с аккузативом вместо инструменталиса с причастиями на *-in-as* отмечаются уже в текстах XVI в. [Gliwa, 2003: 26–27], инструментальное маркирование объекта преобладает до сих пор, по крайней мере, в стандартном языке. Хотя отглагольные образования с суффиксом *-in* представлены и в латышском языке, там они используются лишь в качестве тавтологических обстоятельственных модификаторов, усиливающих значение глагола: *raudin raud* ‘очень рыдает’ [Амбразас, 1990: 52], ср. рус. *ревмя ревет*. Способность управлять актантами эти латышские формы утратили.

Рассмотренные в этом разделе литовские конструкции с нефинитными глагольными формами и нетривиальным оформлением актантов поучительны для ареальной лингвистики в первую очередь тем, что демонстрируют, что типологически уникальное может возникнуть как результат закономерного развития и сочетания признаков, распространённых в нескольких языках ареала. Кроме того, немалый интерес представляет уже отмеченный факт, что в ходе развития балтийских и славянских языков, в том числе находившихся в длительном контакте, некоторые черты их синтаксиса парадоксальным образом изменялись в противоположных направлениях. Конструкции, общие для ранних этапов истории славянских и балтийских языков (см. об этом также [Пичхадзе, рукопись]), были утрачены или существенно перестроены славянскими языками, в то время как в балтийских языках, и в первую очередь в литовском, они пошли по пути экспансии и приобретения большей синтаксической автономности. Причины такого, по сути, дивергентного развития языковых подсистем в условиях интенсивных контактов неясны.

4. Заключение

В данной статье я продемонстрировал и кратко обсудил ряд черт литовского глагола (на уровне морфологии, грамматических категорий и морфосинтаксиса), которые делают его уникальным на фоне глагольных систем других языков Восточной Балтии. Разумеется, трюизмом является утверждение, что каждый язык не похож ни на какой другой, в том числе на те языки, которым он является ближайшим родственником или с которыми он в течение длительного периода пребывал в контакте. Тем не менее перечень уникальных черт литовского глагола, по моему убеждению, слишком обширен, а сами эти черты подчас слишком необычны, чтобы не привлечь к себе специально внимания.

С ареально-типологической и исторической точек зрения, принятых в данном сборнике, важно отметить тот факт, что почти все рассмотренные выше черты (за исключением категорий хабитуалиса-в-прошедшем, континуатива и рестриктива, о возникновении которых пока нельзя сказать ничего определённого, кроме того, что они являются сравнительно недавними локальными инновациями) по своему происхождению являются древними, основанными на структурах, унаследованных от индоевропейского прасостояния. Тем не менее было бы неверно на этом основании заключить, что литовский язык попросту законсервировал ряд архаизмов, от которых «избавились» его более «продвинутые» родственники – латышский и славянские языки. Несмотря на свои древние истоки, рассмотренные черты, будь то инфикация или особенности морфосинтаксиса причастий, приобрели свой нынешний вид в результате ряда инновационных процессов, часть которых можно проследить даже по текстам исторического периода. Так, хотя литовский назальный инфикс в основе презенса этимологически тождествен инфиксу в латыни, греческом и санскрите, место инфикальных глаголов в глагольной системе литовского языка существенно отличается от такового в древних индоевропейских языках и в значительной степени возникло в ходе семантически мотивированных аналогических процессов, происходивших в сравнительно недавний исторический период. Собственно, тот факт, что подобной экспансии в литовском языке наряду с другими глагольными классами подверглись и инфикальные глаголы, во многом, по-видимому, является исторической случайностью.

Аналогичным образом, причастные и инфинитивные обороты, демонстрирующие ряд нетривиальных параллелей с аналогичными конструкциями других языков, в первую очередь опять-таки древних индоевропейских, являются не наследием некоего гипотетического прасостояния, а вновь результатом закономерного и, судя по данным памятников, недавнего развития на собственно балтийской почве. Парадоксально также то, что, как уже было сказано выше, в литовском языке эти конструкции претерпевали экспансию примерно в тот же период, когда аналогичные славянские конструкции приходили в упадок. Возможно, что сохранение в географически близких балтийским славянских идиомах конструкций с номинативным объектом при инфинитиве и распространение такого кодирования объекта на другие типы предикаций было связано с влиянием прибалтийско-финских языков, в то время как утрата славянскими языками конструкций с дативным объектом инфинитива может быть отчасти связана с отсутствием такой контактной поддержки. С другой стороны, для литовского языка, находившегося к началу письменного периода вне сколько-нибудь существенных контактов с прибалтийско-финскими народами, такое объяснение не работает – конструкции с нестандартным оформлением инфинитивного объекта, по всей видимости, развивались в нём уже вне зависимости от контактных влияний.¹⁵

Наконец, обращусь снова к вопросу о возможных причинах того, что практически ни одна из рассмотренных выше особенностей литовской глагольной системы не была передана в контактирующие с литовским языки. Как уже отмечалось в конце § 2, это может быть связано с целым рядом факторов.

Во-первых, социолингвистический статус литовского языка на протяжении длительного времени был сравнительно низок, в связи с чем заимствование из него в другие языки лексических единиц и грамматических черт могло быть затруднено. В этой связи особенный интерес представляет анализ литовских разновидностей цыганского и идиш, а также славянских говоров на территории Литвы, которые, предположительно, могли быть легче подвержены влиянию литовского языка.

¹⁵ Посредство латышского языка, см. [Ambranzas, 2001: 405–407], можно усматривать лишь для конструкций с номинативным объектом, поскольку конструкции с дативным и генитивным объектом отсутствуют как в латышском, так и в прибалтийско-финских языках.

Во-вторых, это немаловажный, хотя и ни в коем случае не абсолютный фактор структурного сходства системы-донора и системы-реципиента: отсутствие в языках, с которыми контактировал литовский, сколько-нибудь аналогичных структурных элементов могло сыграть дополнительную роль в незаимствовании тех или иных литовских грамматических черт. Наконец, невысокая частотность многих из рассматриваемых литовских конструкций в сравнении с альтернативными и более «тривиальными» средствами выражения тех же значений также является важным фактором, препятствующим заимствованию.

Приведённые только что соображения, однако, имеют лишь статус гипотез и, разумеется, не могут рассматриваться как объяснения того, почему описанные в этой статье особенности литовской глагольной системы оказались ограничены лишь одним этим языком.

В заключение ещё раз подчеркну, что ареально-типологическая точка зрения на язык или группу языков не исключает внимания к уникальному и неповторимому в каждом языке. Напротив, по моему убеждению, именно при типологически ориентированном рассмотрении можно более точно установить степень своеобразия конкретного языка, а изучение неповторимого позволяет, в свою очередь, чётче осознать границы контактно индуцированной конвергенции языков.

Сокращения

ACC – аккузатив	M – мужской род
ADESS – адэссив	N – несогласуемая форма
AOR – аорист	NEG – отрицание
AUX – вспомогательный глагол	NOM – номинатив
CNT – континуатив	PA – активное причастие
CNV – деепричастие	PRT – партитив
DAT – датив	PL – множественное число
DEM – указательное местоимение	POS – положительная полярность
F – женский род	POSS – посессивная форма
GEN – генитив	PP – пассивное причастие
HAB – хабитуалис	PRS – настоящее время
INESS – инэссив	PST – прошедшее время
INF – инфинитив	RSTR – рестриktiv
INS – инструменталис	SG – единственное число
LOC – локатив	SUP – супин

Литература

Амбразас В. (1985). Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс: Мокслас, 188–196.

Амбразас В. (1990). Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас.

Ананьева Н. Е. (2008). К типологии славянских периферийных диалектов, межславянских и славяно-иноязычных контактов (на материале некоторых западнославянских и южнославянских языков) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 7–27.

Аркадьев П. М. (2006а). Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // Балто-славянские исследования. Вып. XVII. М.: Индрик, 250–294.

Аркадьев П. М. (2006б). Соотношение между семантическими и морфологическими классами непроектируемых глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т. Н. Молошная (ред.), Типология грамматических систем славянского пространства. М.: Ин-т славяноведения РАН, 128–163.

Аркадьев П. М. (2007). Заметки к типологии префектива // Иванов (ред.) 2007, 17–30.

Аркадьев П. М. (2010). Ещё раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от переходности к начинательности // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.). Топоровские чтения. I–IV. Избранное. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010, 309–324.

Аркадьев П. М. (2011). Проблемы синтаксиса конструкций «*accusativus cum participio*» в литовском языке // Вопросы языкознания. № 5, 44–75.

Беднарчук Л. (1997). Конвергенции балто-славянских и финно-угорских языков в структурном и ареальном аспекте // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Балто-славянские исследования. 1988–1996. М.: Индрик, 91–108.

Вимер Б. (2004). Таксис и коинцидентность в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.), 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 53–73.

Вимер Б. (2007). Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика // Иванов (ред.) 2007, 31–45.

Вимер Б. (2009). Таксис в литовском языке // В. С. Храковский (ред.), Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 161–216.

Вимер Б. (в печати). Методические заметки к исследованию «моды простой» // Балто-славянские исследования. Вып. XIX.

Галнайтите Э. (1959). Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с литовской приставкой *pa-* // В. В. Виноградов (ред.), Славянское языкознание. М.: Ин-т языкознания РАН, 59–71.

Галнайтите Э. (1966). К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica*. Т. 2, № 2, 147–158.

Генюшене Э. Ш. (1989). Мультипликатив и итератив в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 122–132.

Гринавецкене Е. Й. (1972). Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в Юго-Восточной Литве) // Топоров (ред.). 1972, 394–408.

Даугавет А. Д. (2009). Слоговая долгота в балтийских языках (в сопоставлении с эстонским и ливским). Диссертация... к.ф.н. СПбГУ.

Завьялова М. В. (2007). Обзор изменений в литовской падежной системе под влиянием русского языка // Иванов (ред.). 2007, 46–66.

Зализняк А. А. (1985). От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука.

Зализняк А. А. (2004). Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.

Иванов Вяч. Вс. (2005). Языки, языковые семьи и языковые союзы внутри Великого Княжества Литовского // Вяч. Вс. Иванов, Ю. Верхованцева (ред.), *Speculum Slaviae Orientalis*. Московия, Юго-Западная Русь и Литва в период Позднего Средневековья. М.: Новое издательство, 93–121.

Иванов Вяч. Вс. (ред.) (2007). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Ин-т славяноведения РАН.

Киселёва К. Л. и др. (ред.). 2009. Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. (1971). Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука.

Ларин Б. А. (1963). Об одной славяно-балто-финской изоглоссе // *Lietuvių kalbotygos klausimai*. Т. 6, 87–107.

Лекомцева М. И. (1974). Система значений глагольных граммем в пограничных литовско-славянских говорах // Топоров (ред.). 1972, 174–175.

Маслов Ю. С. (1981). Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа.

Непокупный А. П. (1964). Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев.

Пичхадзе А. А. (рукопись). Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности. Рукопись, 2010.

Плунгян В. А. (2001). Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 50–88.

Плунгян В. А. (2002). О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян

гян (ред.). Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 57–98.

Прохорова С. М. (1987). О так называемых «синтаксических балтизмах» в восточнославянских говорах // *Kalbotyra*. Т. 38, № 2, 26–35.

Ройзензон Л. И. (1974). Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд.

Русаков А. Ю. (2000). Севернорусский диалект цыганского языка: заимствование русских префиксов // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 21. Балканские исследования. Санкт-Петербург, 16–25.

Сержант И. (2007). Контакты древнерусского и латышского языков в области фонетики // *Иванов (ред.)*. 2007, 90–101.

Сичинава Д. В. (2007). Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // *Иванов (ред.)*. (2007), 102–130.

Сичинава Д. В. (2009). ‘Стремиться пресекать на корню’: современная русская конструкция с *было* // *Киселёва и др. (ред.)*. 2009, 362–396.

Судник Т. М. (1974). Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья // *Т. М. Судник (ред.)*. Балто-славянские исследования. М.: Наука, 215–219.

Судник Т. М. (1975). Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М.: Наука.

Судник Т. М. (ред.) (1980). Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука.

Татевосов С. Г. (2009). Множественная префиксация и анатомия русского глагола // *Киселёва и др. (ред.)*. 2009: 92–156.

Темчин С. (1986). Семантика *-n-* и *-sta-* глагольных основ в литовском языке // *Kalbotyra*. Т. 37, № 1, 87–98.

Топоров В. Н. (1961). К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *В. Н. Топоров (ред.)*. Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 35–70.

Топоров В. Н. (ред.) (1972). Балто-славянский сборник. М.: Наука.

Шапиро А. Б. (1953). Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР.

Эндзелин Я. (1971/1906). Латышские предлоги. Ч. II // *Я. Эндзелин*. Избранные труды. Т. I. Рига: Зинатне, 521–655. (1-е изд. Юрьев, 1906).

Эркеп А. (в печати). Специфика именных парадигм в «мове простой» // Балто-славянские исследования. Вып. XIX.

Ambrazas V. (1981). Zur Geschichte einer indogermanischen Konstruktion (Dativus cum infinitivo im Baltischen) // *Kalbotyra*. Т. 32, № 3, 12–24.

Ambrazas V. (1987). Die indogermanische Grundlage des Dativus und Nominativus cum infinitivo im Baltischen // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 92, 203–219.

Ambrazas V. (2001). On the development of nominative object in East Baltic // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (ed.). 2001. V. 2, 391–412.

Ambrazas V. (ed.) (1997). *Lithuanian Grammar*. Vilnius: Baltos Lankos.

Arkadiev P. M. (2010). Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic Linguistics*. V. 1, 9–49.

Arkadiev P. M. (2011). On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic Linguistics*. V. 2, 37–78.

Arkadiev P. M. (2012). Participial complementation in Lithuanian // V. Gast, H. Diessel (eds.), *Clause Combining in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 285–334.

Aronson H. I. (1985). On aspect in Yiddish // *General Linguistics*. V. 25, 171–188.

Arumaa P. (1957). Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 26, 118–149.

Breu W. (1992). Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éd.), *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*, t.1. Paris, Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 119–135.

Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.

Dahl Ö. (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) (2001). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Vols. I–II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Dickey S. M., Hutcheson J. (2003). Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic // R. Maguire, A. Timberlake (eds.), *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003*. Vol. 1. Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 23–36.

Dryer M. (1994). The pragmatics of focus-association with *only*. Paper presented at the LSA annual meeting (<http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/dryer/dryer/papers>).

Eckert R. (1996). The analytic frequentative past in Samogitian and its typological correspondences // *Res Balticae*. V. 2, 51–63.

Eiche A. (1983). *Latvian Declinable and Indclinable Participles. Their Syntactic Function, Frequency and Modality. A Synchronic Study based on Latvian Fiction of the 1960s and 1970s*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Evans N. (1995). A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.), *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht: Kluwer, 207–270.

Fraenkel E. (1962). *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Fraenkel E. (1965). *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. II. Heidelberg: Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Franks S., Lavine J. E. (2006). Case and word order in Lithuanian // *Journal of Linguistics*. V. 42, № 1, 239–288.

Gehrke B. (2008). *Ps in Motion. On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. Utrecht: LOT Publications.

Geniušienė E. (1997). The multiplicative and the iterative in Lithuanian // V. S. Khrakovskij (ed.), *Typology of Iterative Constructions*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 220–240.

Gliwa B. (2003). *Nešinas, vedinas, tekinas* // *Acta Linguistica Lituanica*. T. 48, 19–34.

Gorbachov Ya. V. (2007). *Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic*. PhD Thesis, Harvard University.

Greenberg G., Lavine J. E. (2006). New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // R. Rothstein, E. Scatton, and Ch. Townsend (eds.), *Studies in Slavic Linguistics and Folklore*. Bloomington (IN): Slavica.

Gronemeyer Cl., Usonienė A. (2001). Complementation in Lithuanian // Cl. Gronemeyer. *Laying the Boundaries of Syntax: Studies in the Interfaces between Syntax, Semantics and Lexicon*. Lund University, 105–135.

Haspelmath M. (2006). Against markedness (and what to replace it with) // *Journal of Linguistics*. V. 42, № 1, 25–70.

Heine B., Kuteva T. (2005). *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Holvoet A. (1993). On the nominative object in Latvian, with particular reference to the debitive // *Linguistica Baltica*. V. 2, 151–161.

Holvoet A. (1996). Infinitive clauses in Latvian // *Linguistica Baltica*. V. 5–6 (1996–1997), 69–80.

Holvoet A. (2007). *Mood and Modality in Baltic*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Holvoet A. (2010). Reanalysis or just ambiguity? Infinitival clauses with overt dative subjects in Baltic. Paper presented at *Perspectives on Baltic Philology 2*, Poznań.

Hutchinson A. P., Lloyd J. (2003). *Portuguese. An Essential Grammar*. 2nd ed. London, New York: Routledge.

Jacobs N. G. (2001). Yiddish in the Baltic region // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001. V. 1, 285–311.

Jacobs N. G. (2005). Yiddish. A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press.

Karlsson F. (1999). Finnish: An Essential Grammar. 2nd ed. London, New York: Routledge.

Kehayov P. (2008). An Areal-Typological Perspective to Evidentiality: The Cases of the Balkan and Baltic Linguistic Areas. Tartu: Tartu University Press.

Klaas B. (1996). Similarities in case marking of syntactic relations in Estonian and Lithuanian // M. Erelt (ed.), Estonian: Typological Studies. I. Tartu: Tartu University Press, 37–67.

Klimas A. (1987). The Lithuanian participles: Their system and functions // *Lituanus*, V. 33, 38–73.

Klimonow W. (2001). Natürlicher grammatischer Wandel im System aspektueller Oppositionen des Russischen // *ZAS Papers in Linguistics*. V. 21, 119–141.

KLLKV: Krievu-latviešu / latviešu-krievu vārdnīca. Rīga: Avots, 2008.

König E. (1991). The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, New York: Routledge.

Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. (2001). The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001, V. 2, 615–750.

Kortmann B. (ed.) (2004). Dialectology Meets Typology: Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Kuteva T. (1998). On identifying an evasive gram: Action narrowly averted // *Studies in Language*. V. 22, № 1, 113–160.

Kuteva T. (2001). Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press.

Lavine J. E. (1999). Subject properties and ergativity in North Russian and Lithuanian // K. Dziwirek et al. (eds.), Formal Approaches to Slavic Linguistics 7. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 307–328.

Lavine J. E. (2006). Is there a passive evidential strategy in Lithuanian? // Papers from the 42nd Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 41–55.

Lavine J. E. (2010a). Mood and a transitivity restriction in Lithuanian: The case of the inferential evidential // *Baltic Linguistics*. V. 1, 115–142.

Lavine J. E. (2010b). Case and events in transitive impersonals // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 18, № 1, 101–130.

Leikuma L. (2003). Latgališu volūda. 1. Intensīvā mācību kursa materiāli. Sanktpēterburga: Sanktpēterburgas valsts universitāte.

Levin J. F. (2003). The North Slavic-Lithuanian contact area: Mutual influence and resistance // R. Maguire, A. Timberlake (eds.), American Contributions to the

13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003. Vol. 1. Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 139–148.

LKT – Lietuvių kalbos tekstynas (Корпус литовского языка) [http:// donelaitis.vdu.lt](http://donelaitis.vdu.lt).

Mathiasen T. (1996a). *A Short Grammar of Lithuanian*. Columbus, OH: Slavica.

Mathiasen T. (1996b). *Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian*. (Meddelelser av Slavisk-baltisk avdeling, Universitetet i Oslo. Nr. 75).

Mathiasen T. (1997). *A Short Grammar of Latvian*. Columbus, OH: Slavica.

Matras Y. (2007). The borrowability of structural categories // Y. Matras, J. Sakel (eds.), *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 31–73.

Mortier L. (2010). The semantic field of continuation: Periphrastic *blijven* and *continuer à* // *Folia Linguistica*. V. 44, №. 2, 401–438.

Nau N. (1996). Ein Beitrag zur Arealtypologie der Ostseerainersprachen // N. Boretzky et al. (eds.), *Areale, Kontakte, Dialekte. Sprache und ihre Dynamik in mehrsprachigen Situationen*. Beiträge zum 10. Bochum-Essener Symposium. Bochum: Brockmeyer, 51–67.

Nau N. (2011) *A Short Grammar of Latgalian*. München, Newcastle: LINCOM Europa.

Nevis J. A., Joseph B. D. (1993). Wackernagel affixes: evidence from Balto-Slavic // *Yearbook of Morphology 1992*. Dordrecht: Kluwer, 93–112.

Noonan M. (1994). A tale of two passives in Irish // P. J. Hopper, B. Fox (eds.), *Voice: Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 279–311.

Ostrowski N. (2010). Negacja zewnętrzna / negacja wewnętrzna, czyli o historii lit. *nebe-*. Talk at the conference *Perspectives on Baltic Philology 2*, Poznań.

Ostrowski N. (to appear). Pochodzenie litewskiego afiksu duratywnego *teb(e)-* // To appear in S. Schab, D. Skrzypek, P. Zborowski (eds.), *Logos et mundus*. Poznań.

Otrębski J. (1965). *Gramatyka języka litewskiego*, T. 3. Warszawa: Wydawnictwo naukowe.

Paulauskas J. (1958). Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba*. T. 3, 301–453.

Paulauskienė A. (1979). Gramatinės lietuvių kalbos veiksmazodžio kategorijos. Vilnius: Mokslas.

Petit D. (1999). Litanien // *LALIES. Actes de sessions de linguistique et de littérature*. 19. Paris: Presses de l'école normale supérieure, 5–135.

Roszko D., Roszko R. (2006). Lithuanian frequentativum // *Études cognitives*, T. 7, 163–172.

Sawicki L. (1992). Genitive and dative in goal and purpose expressions in contemporary Lithuanian // *Linguistica Baltica*. V. 1, 93–101.

Schleicher A. (1856). Handbuch der litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Prag: Calve.

Schmalstieg W. R. (1987). A Lithuanian Historical Syntax. Columbus (OH): Slavica.

Schmalstieg W. R. (2000). The Historical Morphology of the Baltic Verb. Washington, DC: Institute for the Study of Man.

Scholze L., Wiemer B. (Hrsg.) (2009). Von Zuständen, Dynamik and Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Brockmeyer.

Schuyt R. (1990). The Morphology of Slavic Verbal Aspect. A Descriptive and Historical Study. Amsterdam: Rodopi.

Slīžienė N. (1961). Apie sudurtines pradėtines veiksmažodžių formas // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 4, 67–72.

Slīžienė N. (1995). The tense system of Lithuanian // R. Thieroff (ed.), The Tense Systems in European Languages. V. II. Tübingen: Niemeyer, 215–232.

Smith C. (1997/1991). The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer.

Smoczyński W. (2007). Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno.

Stang Chr. S. (1942). Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. T. I, 1–280.

Stolz Th. (1989). Zum Wandel der morphotaktischen Positionsregeln des Baltischen Reflexivzeichens // Folia Linguistica Historica. Bd. 9, № 1, 13–27.

Stolz Th. (1991). Sprachbund im Baltikum? Estnisch und Lettisch im Zentrum einer sprachlichen Konvergenzlandschaft. Bochum: Brockmeyer.

Swan O. E. (2002). A Grammar of Contemporary Polish. Bloomington: Slavica.

Talmy L. (1982). Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 231–250.

Tamm A. (2008). Partitive morphosemantics across Estonian grammatical categories, and case variation with Equi and Raising // Proceedings of the LFG08 Conference. Stanford: CSLI Publications.

Tamm A. (2009). The Estonian partitive evidential. Some notes on the semantic parallels between aspect and evidential categories // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds). Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 365–401.

Tamm A. (2010). Cross-categorial spatial case in the Finnic non-finite system: focus on the absentive TAM semantics and pragmatics of the Estonian inessive *m*-formative non-finites. Ms.

Tenser A. (2005). Lithuanian Romani. München, Newcastle: LINCOM Europa.

Thieroff R. (2000). On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.) 2000, 265–303.

Thomason S. G. (2001). *Language Contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Thomason S. G., Kaufman T. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Timberlake A. (1974). *The Nominative Object in Slavic, Baltic and West Finnic*. München: Otto Sagner.

Timberlake A. (1982). The impersonal passive in Lithuanian // *Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 508–524.

Tomelleri V. S. (2008). L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diachronia // A. Alberti et al. (eds.). *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti*. Firenze, 11–61.

Tommola H. (2000). Progressive aspect in Baltic Finnic // Dahl (ed.). 2000, 655–692.

Uvydas K. (red.) (1971). *Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija*. Vilnius: Mintis.

Vaillant A. (1947). Lituanien *be-*, slave *-bě* // *Révue des études slaves*. T. 23, 151–152.

Wälchli B. (2000). Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, Bd. 53, 186–210.

Wexler P. (1964). Slavic influence on the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes // *Linguistics*, V. 2, 83–93.

Wiemer B. (2001). Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // B. Wälchli, F. Zúñiga (Hrsg.), *Sprachbeschreibung & Typologie*. Bern: Institut für Sprachwissenschaft, 65–81.

Wiemer B. (2002). Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slavisch-baltischen Areal. *Habilitationsschrift*, Universität Konstanz.

Wiemer B. (2003). Dialect and language contacts on the territory of the Grand Duchy of Lithuania from the 15th century until 1939 // K. Braunmüller, G. Ferraresi (eds.). *Aspects of Multilingualism in European Language History*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 105–143.

Wiemer B. (2004a). Population linguistics on a micro-scale. Lessons to be learnt from Baltic and Slavic dialects in contact // Kortmann (ed.). 2004, 497–526.

Wiemer B. (2004b). The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.), *What Makes Grammaticalization? A Look for its Fringes and its Components*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 271–331.

Wiemer B. (2006a). Towards a new understanding of convergent developments in Baltic and Slavic verbal morphology (flexion and derivation). A genealogical, areal, and typological approach. Talk presented at Baltic Languages, Slavic Languages: Contact, Confrontation, Comparison, Paris.

Wiemer B. (2006b). Grammatical evidentiality in Lithuanian (A typological assessment) // *Baltistica*. V. 41, № 1, 33–49.

Wiemer B. (2006c). Relations between Actor-demoting devices in Lithuanian // W. Abraham, L. Leisiö (eds.), *Passivization and Typology. Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 274–309.

Wiemer B. (2009). Zu entlehnten Verbpräfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten // Scholze, Wiemer (Hrsg.). 2009, 347–390.

Wiemer B. (2012). On the rise, establishment and continued development of subject impersonals in Polish, East Slavic and Baltic // To appear in S. Kittilä, L. Kulikov (eds.). *Diachronic Typology of Voice and Valency Changing Categories*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Wiemer B., Hansen B. (2012). Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavic // Wiemer et al. (eds), 67–157.

Wiemer B., Wälchli B. (2012). Contact-induced grammatical change: Diverse phenomena, diverse perspectives // Wiemer et al. (eds), 3–65.

Wiemer B., Wälchli B., Hansen B. (eds.). (2012). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Zeps V. (1962). *Latvian and Finnic Linguistic Convergences*. Indiana University Press.

Zinkevičius Z. (1966). *Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija*. Vilnius: Mintis.

Zinkevičius Z. (1981). *Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. II*. Vilnius: Mokslas.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А. В. Циммерлинг (Москва). Типология порядка слов в славянских языках</i> 7	
1. Введение	8
1.1. Категории предложения и синтаксические группы	9
1.2. Задачи и методы описания порядка слов: локальные правила	10
1.3. Глобальные правила и схема линейаризации предложения	12
1.4. Схема линейаризации полных именных групп и перемещения	16
1.5. Упорядочивание цепочек клитик и смежных позиций	19
2. Свободный порядок слов и виды скрэмблинга в славянских языках	22
2.1. Скрэмблинг полноударных элементов предложения	24
2.2. Скрэмблинг клитик: параметры Clitic Climbing и Clitic Scrambling	29
2.3. Скрэмблинг, коммуникативная перспектива и интонация	34
2.4. Линейно-акцентные преобразования, скрэмблинг и перемещения	36
2.5. Парадокс инвертируемости	38
3. Системы порядка слов в славянских языках	40
3.1. Кластеризуемые клитики в славянских языках	40
3.2. Разряды кластеризуемых клитик	43
3.3. Позиция кластеризуемых клитик в предложении	44
3.4. Синтаксические и просодические клитики	45
3.5. Ориентация клитик как фактор, ограничивающий число позиций	46
3.6. Славянские системы порядка слов с клитиками	49
3.6.1. Стандартные W-системы	49
3.6.2. W ⁺ -системы	51
3.6.3. W*-системы	54
3.6.4. V-системы	56
3.6.5. C-системы	57
3.7. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале	58
4. Синтаксические ограничения в славянских системах порядка слов с клитиками	60
4.1. Производные порядки слов в W-системах, W ⁺ -системах и W*-системах	60
4.2. Правила начальной составляющей	62